

М. В. Литовченко

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ОБРАЗЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Образы священнослужителей нередко привлекали внимание А. П. Чехова. При этом существенной особенностью его героев-священнослужителей является отсутствие роли посредника между людьми и Богом, между земным и трансцендентным мирами, а также роли жизненного наставника, провозвестника нравственной истины. Если священнослужители и произносят нравоучительные речи, – их слова не обязательны, как бы случайны. Архиерей, священник, диакон не являются носителями лишь одной им явленной, *религиозной* истины, и высказанное ими – не более авторитетно, чем мысли любого мирянина.

В образы своих героев писатель вкладывает общечеловеческое содержание; его интересует не профессиональное, а «родовое» начало. Как утверждает В. Б. Катаев, «Чехов строит свое отношение к верующим, исходя из общих моральных требований <...> Писатель дает оценку человеку, исходя не из того, верующий он или нет, а из того, каков он сам по себе: каковы его характер, жизненные убеждения и поступки» [1]. С этой установкой, на наш взгляд, связана следующая особенность: Чехов практически не изображает крупных церковных иерархов; в его произведениях выступает в основном рядовое духовенство. Исключением является рассказ «Архиерей», но и здесь автора интересует не высокий сан главного героя, а его изначальная, личностная сущность.

Священнослужители предстают не обладателями иной, особой точки зрения, не проповедниками более высокой идеи. Они – *не другие*. Для Чехова они, прежде всего, просто люди и лишь потом – лица церковные. Позиция

священнослужителей – лишь одна из возможных в мире Чехова, отражающая только одну грань истины. К авторитетному, авторитарному слову (каким и должно являться речение Церкви) Чехов относится настороженно. Его герои-священнослужители – *сомневающиеся*, не уверенные в себе, несчастливые.

Даже оспаривающий идеи зоолога фон Корена (культ сильной личности) дьякон в повести «Дуэль» – не выразитель собственно религиозной точки зрения: его возражения ничем не отличаются от контраргументов доктора Самойленко, также не принимающего жизненную философию фон Корена. Дьякон вовсе не выступает безапелляционно, авторитетно, он *спрашивает* зоолога, возражая горячо, взволнованно. Дьякон защищает каждую личность, ее неповторимость. И именно поэтому его высказывания лишены авторитарной, надличностной интонации; дьякон говорит от своего имени, а не от лица Церкви – как человек, а не священнослужитель.

В облике и поведении дьякона также нет никаких признаков авторитарности. Он погружен в быт, в «мелочные» повседневные переживания (мысли о дьяконице, с которой пришлось разлучиться), его вера не лишена сомнений. Дьякон нарушает нормы поведения, характерные для священнослужителя (курит папироски, отправляется смотреть на дуэль). Он наивен, в его суждениях о людях присутствует некая неадекватность:

« – Какие люди! <...> Боже мой, какие люди! Воистину десница Божия насадила виноград сей! Господи, господи! Один победил тысячи, а другой тьмы. Николай Васильич, – сказал он восторженно, – знайте, что сегодня вы победили величайшего из врагов человеческих – гордость!

– Полно, дьякон! Какие мы с ним победители? Победители орлами смотрят, а он жалок, робок, забит, кланяется, как китайский болванчик, а мне... мне грустно» [2 (VII, 453 – 454)].

Роль спасителя Лаевского, примирителя фон Корена и его противника выпадает дьякону невольно, случайно.

Еще более нетрадиционен, лишен привычных черт священнослужителя преосвященный Петр («Архиерей»). Он описан как «частный» человек, подобно обыкновенному мирянину: ему душно, жарко, тяжело за богослужением Святой седмицы; его жизнь несчастлива. Чувства, испытываемые служащим литургию архиереем, его плач во время службы далеки от религиозного умиления. Архиерею грустно (вспомним, что уныние, по христианскому учению, – один из тяжких грехов), вера не поддерживает его, преосвященный Петр сомневается в своей вере.

Чехов разворачивает в рассказе противопоставление *сана* и *человека*. Другие видят в Петре только епископа, лицо, облеченное церковной властью, но не страдающего несчастного человека. Мать, простая диаконица, относится к нему не как к сыну, но как к иерарху – не с любовью, но с почтением и боязнью.

Сан, общественное положение, чин подавляют личность чеховских персонажей, стремятся нивелировать ее, подменить неповторимую индивидуальность (ср., например, «Скучную историю»). Священнослужители у Чехова ничем не отличаются в этом отношении от

мирян. Преосвященный Петр как личность, индивидуальность противопоставлен внеличному церковному ритуалу (в описании таинства литургии): «...читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, *но людей не было видно, как и в прошлые годы* (выделено нами. – М. Л.), и казалось, что это все те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они все те же будут каждый год, а до каких пор – одному Богу известно» (X, 198). Радостная, спокойная причастность владыки Петра таинству Церкви, совершаемому неизменно, сменяется душевным утомлением и слабостью. Личность отчуждена от других, от «вековечного» обряда. Торжество праздника, общая радость не смягчают горестей *одного* человека, не способны придать благостный смысл смерти владыки Петра накануне великого, светлого дня Пасхи. «Атомизированному», лишенному внутреннего согласия, «стройности» даже при совершении церковных таинств человеческому существованию у Чехова противопоставлены спокойное величие, красота и умиротворенность природы (кроме «Архиерея», эта же оппозиция содержится, например, в рассказах «Святою ночью» и «Княгиня»).

Спокойствие, умиротворенность чеховский персонаж обретает лишь в предсмертные минуты, освобождаясь от давящей «оболочки», «панциря» сана: «А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (X, 200).

Отказываясь от изображения священнослужителей как персонажей со своей особенной, обусловленной саном ролью, Чехов может сделать исполнителем этой роли героя – «профессионального антагониста», доктора (врачевателя не душ, но тел, самой деятельностью побуждаемого к «материалистическому» взгляду на человека). Таков доктор, человек нерелигиозный, из рассказа «Княгиня», жестоко обличающий и поучающий эгоистичную героиню (в то время как архимандрит и монахи оказываются «слугами» княгини, безропотно исполняющими ее желания). В современном нерелигиозном мире, описываемом Чеховым, врач, заботящийся о физическом здоровье людей, не случайно «замещает» священника. У священнослужителей нет ключа к душе человека, особого права на наставление ближнего. Судить ближних с точки зрения христианской морали у Чехова может лишь жестокосердый, не симпатичный автору персонаж-ханжа (Матвей Саввич в «Бабах»).

В рассказе «Письмо» главными героями являются два священника – благочинный отец Федор и отец Анастасий, которые в философской архитектонике произведения выступают выразителями разных нравственно-этических установок. На первый взгляд, их «роли» распределены очевидным образом: о. Анастасий – «испитой, опутанный грехами и немощами старик» (VI, 155), благочинный же – «благообразный мужчина», уверенный в себе, «важный и строгий». Тем не менее, в ходе развития сюжета акценты

расставляются по-другому. «Строгость» о. Федора оборачивается нетерпимостью и враждебностью по отношению к ближним. В канун Пасхи благочинный нарушает заповедь Христа: в его душе поселяются раздражение, мстительность. В этом смысле показательны авторские ремарки, которые носят почти оценочный характер: «Дьякон робко поглядел на строгое лицо о. Федора...» (VI, 156); «...тихо спросил дьякон, глядя снизу вверх на благочинного» (VI, 157). В запальчивости о. Федор произносит свои нравоучения менторским, не терпящим возражений тоном, «каким говорил обыкновенно проповеди или объяснял ученикам в уездном училище закон божий...» (VI, 156). «Непогрешимость» и безапелляционность, сердитый взгляд о. Федора внушают людям робость, граничащую со страхом.

Согласие о. Федора продиктовать письмо мотивируется тем, что он словно желает свести свои личные счеты с «несимпатичным» Петром: «Благочинный <...> вспомнил несимпатичного Петра и согласился диктовать» (VI, 159). Накануне светлого Христова воскресения благочинным движет мелкое, мстительное чувство, что неоднократно подчеркивается автором: «Глаза благочинного гневно вспыхнули, и на висках выступила краска. Помимо своей греховности, Петр был ему несимпатичен как человек вообще. О. Федор имел против него, что называется, зуб» (VI, 157).

Основополагающей в рассказе является оппозиция *правда – справедливость*. С формальной точки зрения, все изложенное в письме безусловно верно, однако автор не считает нужным приводить полностью текст письма, внезапно его обрывая. Чехов с некоторой долей иронии замечает, что «все письмо было в таком роде» (VI, 160): в данном случае автор выражает скрытую этическую оценку. А.С. Собенников пишет: «Нравственный мир, проявлением которого является *совесть*, утверждается в мире Чехова, как высшая по отношению к *знанию, истине* реальность» [3].

При всей «многогрешности» о. Анастасия, в нем сохранился голос совести, чувство стыда. Так, в начале рассказа он прекрасно осознает свою неуместность в доме уставшего благочинного. Именно отверженный, «жалкенький» о. Анастасий уговаривает, почти умоляет дьякона простить сына, не отправлять ему грозное письмо: «Прости, бог с ним! <...> наказующие и без тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующих поискал!» (VI, 162). Современные Чехову критики противопоставляли образы отца Анастасия и непримиримого благочинного. Так, В.А. Гольцев писал: «Этот попик гуманнее, справедливее, поступает в данном случае более по-христиански, чем безукоризненный отец благочинный <...> Всегда и везде симпатии Чехова на стороне униженных и оскорбленных, на стороне искренности и правды, против условного лицемерия и фарисейского благочестия» (VI, 655). Комическая приписка, невпопад сделанная дьяконом под внушением о. Анастасия, сводит на нет все укоры и наставления. В этом «пасхальном» рассказе происходит восстановление утраченных связей между людьми. Отношение отца к сыну вновь окрашивается привычной теплотой, идущей из глубины любящего родительского сердца.

Выразителем особенной, отличной от взгляда автора и рассказчика, точки зрения у Чехова представлен послушник Иероним – герой рассказа «Святою ночью», замечающий, что в пасхальную ночь «радуется и небо, и земля, и преисподняя. Празднует вся тварь» (V, 95). Иероним значим в художественной системе рассказа не как лицо церковное (он, кстати, не монах, а только послушник, да еще не понимаемый и не любимый монахами), а как простой человек.

Точка зрения Иеронима подана как «чужая», не авторская. Действительно, гармонична природа в эту ночь (описание звезд, «скрытого диалога» небес и земли, символизируемого отражением неба в воде). Но люди хотя и проникнуты радостью, но не захвачены ею полностью во время богослужения. Царит суета, умиление толпы обезличено. И сама эта радость временна, мгновенна, как вообще мгновены и случайны, внезапны и радость, и религиозные чувства у героев Чехова. Эта мимолетность праздничного чувства символически представлена противопоставлением торжественной красоты пасхальной ночи и хмурого, неприглядного утра.

Индивидуум, частный человек с его проблемами не может найти успокоения, радости и взаимопонимания с другими даже в эту святую ночь. Чувства и вера Иеронима невыразимы, «непередаваемы» рассказчику, который в разговоре с послушником, скорбящим о смерти любимого им монастырского поэта отца Николая, «подделывается под монашеский тон», оставаясь безучастен.

Итак, в произведениях А.П. Чехова проходит целая «галерея» священнослужителей: смешливый дьякон («Дуэль»), преосвященный Петр («Архиерей»), о. Анастасий, познавший в своей отверженности высокую цену милосердия («Письмо»), послушник Иероним («Святою ночью»). Исследователями не раз отмечалось, что Чехов не ставил своей задачей решать какие-либо «специальные» религиозные вопросы. В связи с этим, у Чехова нет критического отношения к церкви и священнослужителям, обычного для его современников (вспомним, например, описание православной литургии в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»). Основной критерий авторской этической оценки един как для героев-священников, так и для любых других чеховских героев: прежде всего, «мера» их человечности, душевная теплота и милосердие. В конечном счете, это те высшие ценности, которые являются фундаментальными для чеховского художественного мира в целом.

Литература

1. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М., 1979. – С. 292–293.
2. Здесь и далее цит. по изданию: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. – М., 1974. – 1988. Далее цитаты приводятся с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.
3. Собенников А. С. Чехов и христианство. – Иркутск, 2000. – С. 36.